

Заглублинность в Россию

КАНЦЛЕР Бисмарк не советовал воевать с Россией. Гитлер не внял. И что же? До него рискнул Наполеон. И что же?

Воевали Россию и в былые, уже былинные времена. Бывали успехи у завоевателей. Но... как приливной волной океанской, смывались орды, смывались конные и пешие, набегавшие с востока, с запада, с юга, да и с севера. А Россия, залитая кровью, затихала, вникала в работу, излечивала свои раны. Так было, так будет.

Что ныне происходит? А ведь опять идет завоевание России. Не с помощью луков и копий, не с помощью даже иноземных пулеметов и пушек, без вроде бы откровенного пролития ими крови, но все едино завоевание, пространств российских захват.

Могут сколько угодно рассуждать о демократии, как когда-то толковали о праведной Вере, об Истине, о Цели. Можно как угодно обольщать и улащать, как когда-то улащали в пору Гришки Отрепьева русских бояр, убеждая их, что они вовсе не перебежчики, а радители родимой сторонки, можно, — но суть-то одна: освоить для себя эту самую Россию, захватить ее. И не возьмут в ум новые захватчики, что сей кус им не переварить, что подавятся, непременно подавятся. Удавам это знакомо, когда они накидываются на слишком большую добычу. И тогда не они в захвате одерживают победу, а они в своем захвате изнемогают.

Время нынче такое, когда поновому будто бы можно завоевать Россию, даже и не воюя с ней. Телевидение возникло — это новое и грозное, ибо лукавое из лукавых, оружие. Скорости передвижения, стало быть, и дипломатических контактов

стали не поддающимися уразумению. И это — нечто новое, когда дипломат за десяток часов попадает из Кремля в Белый дом, что в Вашингтоне.

Вот там, после стремительно-го перелета, когда еще в ушах гудит, — там так красиво, комфортно, такая там интеллигентная беседа сразу возникает, столько там сердечности и даже беспечности, что... Ну как не поверить под гул-то в ушах, что дело имеешь с отличными, пусть недавними, но друзьями?

ре, который мечтателен, содержит много от Востока, отчасти ленив, не без коварства, с присущей ему покорностью от былого крепостничества, оставшейся еще в крови народа. И национализм тут можно призвать в услужение, разно трактуя оный, приспособливая для сиюминутных нужд.

Тут всякое можно нагородить, и нагораживают, как спириты, усевшись за круглые столы, вызывая любых духов, любых божов, любых пророков. Но цель-

на брата, княжич на княжича шли. Что тогда говорили — неважно, а важно, что творили. Творили же раздор, злобу, развал. Эту силу, этот опыт задеиствовав, можно по-новой начать писать историю России. Все былые достижения вмиг перечеркнуть, все победы, скажем, Петра Великого отменить, опротестовать. Что и делается. И даже не без наглости. И даже победу над Гитлером можно поставить под сомнение. И даже границы. И даже право русско-

Заметки писателя

НО ЯСНОСТЬ все же приходит. К кому раньше, к кому позже.

И уже многим и многим ясно, что разлобозные нам США вовсе не озабочены какой-то там у нас демократией, каким-то там для нас верным движением в какое-то там человекоподобное пространство. Нет, думается, они иным озабочены — к сожалению, извечным. Все тем же, чем озабочивались Наполеон, кайзер, Гитлер и, вспоминаясь, ныне очень миролюбивые японцы. Они озабочены захватом России. Нет, конечно, не огнем и мечом. Эти методы устарели, и они себя не оправдали на практике. Иначе, по-русачьи, что ли, можно одолеть этот «колосс на глиняных ногах». Тут телевидение станет исполнять роль сирен, этих милых дам из легенд, тут всякие разные соблазны можно пустить в ход, напридумать разные теории о богатых и бедных, которые: первые — работающие, а вторые — ленивые генетики. Тут можно разработать целую теорию о русском характере,

то одна: захват России. И тут многое уже достигнуто, следует признать. Во-первых, сработав на снова княжеских амбициях, — а опыт тут на Руси громадный, — ну не рюриковичи, так цецковичи, воздвиг хорузги национализма, взяли да и порушили в одночасье страну. Мол, сперва разбежимся, а потом — соберемся. Разбежались мгновенно и с треском, собираются же с невероятным скрипом, громоздя завалы. Да и соберутся ли? Для иных из нынешних князей — хоть год, да мой! А там — а потом! — хоть трава не расти! Но и сейчас, и потом полигоном для вожделений остается все та же Россия. И нельзя, недопустимо честолюбивые игры играть на материнском пространстве Родины.

Пока же — Союз развалили. А дальше что? А вот теперь надо и самое Россию подразвиль. И опять делается ставка на тупокняжеские амбиции. Сильная это сила — амбициозность занаряженная. Из былого опыта России исходит эта черная сила, из времен, когда брат

го человека, родившегося, скажем, в Латвии, там всю жизнь свою отдавшего на эту свою, свою Родину, там детей воспитавшего, даже право этого человека, его семьи можно не учитывать, когда речь идет о праве человека на человеческие права. Обычные, как у соседа-латыша.

Что сие означает? И не смеет России вступить за совсем отдавшегося, но все русского собрата, ибо такое заступничество называют вмешательством в дела иной страны. И чуть что, чуть только наш вкрадчивый министр иностранных дел хоть какое-то выскажет недовольствие, как кидаются разоблаченные суверенники под крыло дядюшки Сэма. Не беда вроде бы, мы же тоже теперь не разлей друзья. Но в том-то и дело, что не получается на практике с этой дружбой, тотчас указуют нам из-за океана на свое место. Этих не трогать, этим не высказывать даже свое недовольствие, войска выводить, базы оставлять, а базы эти, между прочим, чтобы понять, раз-

мерами своими с Московский метрополитен, — границы охранять спустя рукава, не дивясь, что Эстония, к примеру, стала нынче главным поставщиком Западу по части меди и вообще цветных металлов, которые «прорастали-то» на российской земле.

Дальше глянем. Захотела Россия чуток поторговать. Криогенные двигатели продать Индии захотела. Нельзя! Устаревшие подводные лодки кому-то толкнуть. Нельзя! А вот острова отдать Японии — про это следовало бы подумать, уважить бы не худо, соседи ведь. Но у народа России в памяти и соседская Цусима, и озеро Хасан, и разные там бои на Халхин-Голе. Историки могут и запомнить, что и делают, народ же крепкопамятен, таково уж устройство народной памяти. И если не вырубить топором то, что написано пером, то не вырубить и то, что залито кровью.

ТАК ЧТО ЖЕ ДЕЛАТЬ?

А может, махнуть рукой и зажить по законам «демократиче-

ским», что-то прости, что-то недопоняв, но во имя главного — мира и благоденствия?

Не получается, увы, не получится. Всякое завладение имеет свое развитие. Равенства тут невозможно ждать. Сегодня — это отдай, это прими, этим поступи. Завтра — еще там что-то отдай. Отношения между странами равнопохожи отношению между людьми, даже между родственниками в одной семье. Кто-то да начинает верховодить. Но сходство тотчас же и кончается, поскольку в семье еще можно разобраться, а между странами конфликт всегда чреват горестными последствиями, войной чреват.

Значит, покориться, подневоляться? Нельзя, не получится, не из того материала создана Россия, чтобы дать себя умять, втиснуть в некую форму, не удержать Россию в квашне.

Но вот еще вопрос: зачем это все США? Владычество это за чем? Так, в силу привычки, по тем же законам, какие подталкивали Македонского, испанцев, Наполеона, японцев, Гитлера, который для своих целей даже человеконенавистническую теорию изобрел? Но не получится же ничего путного, разве что моря крови прольются, совпав с озерами крови, какие ныне разлились в Югославии, еще не просохли в Абхазии, в Таджикистане.

Не получится конкретно и потому, что всякий раз что-то у себя дома помешает. Македонскому помешали домашние дела тылы. Далеко слишком отскакал и, если б не погиб случайно, все равно не сумел бы контролировать бескрайние пространства, — ведь он даже до земель нынешнего Туркменистана дошел. Наполеону тоже поме-

шали тылы, Гитлеру — тоже. Захват — это только одна сторона медали, а дела в собственных уделах — другая сторона.

У США тоже ведь не такие уж благополучные тылы. Смотришь на их игры в баскетбол и понимаешь, что это уже не игры, это нечто самое-самое серьезное, это уже проблема, накатывающаяся на США, где, как в ЮАР, люди хотят своего места в жизни, своей доли от пирога, коль скоро они так ловко кидают мячики в корзину.

ЗАХВАТ России — это химера. Дружба с Россией — это единственно верный путь. И без лукавства, ради Бога! Лукавство — самый распознавательный в человеке недостаток и самый непрощаемый. Лукавство родит недоверие, недоверие родит вражду, а вражда приводит к войне. В ядерный-то век? Нельзя! Непростимо!

Следует срочно опомниться и заокеемским умником, и нашим уступником. Одним — потишать в своих вожделениях, другим — очухаться. Первым понять, что в Россию можно заглубиться — и, бывало, заглублялись, — но вот затем, как пробке из бутылки с крепким русским квасом, с треском придется вылететь. Вторым же уразуметь, что, уступая Россию, ее не спасешь, разве что предашь. Одно дело — менять и улучшать нашу жизнь, но совсем иное — покаряться, пристраиваться на запятках. С Россией это не получится. И трудно поверить, что это сознательное решение наших нынешних лидеров. Хочется верить, что у них есть план отступления, как у Кутузова, который потом, отступив и даже отдав Москву, — потом все же победил. Но то была война. А теперь что?

Позволяя заглубляться в Россию, отдавая ее без боя, отдающие совершают непоправимую, роковую ошибку. Им придвигается мир и благоденствие в далекой дали, но они ошибаются: там не Заря, там всполохи огня. Россию нельзя уговорить...